КНЯЗЬ
МИХАИЛЪ ТВЕРСКОЙ
и
ТАТАРСКІЙ ПОГРОМЪ.

В. О. Михневича.

Съ 6-ю раскрашенными картинками.

Изданіе учрежденной по высочайшему повелѣнію министромъ народнаго просвѣщенія постоянной коммиссіи народныхъ чтеній.

Санктпетербургъ.
1873.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 28 Октября 1873 г.

Типографія К. Н. Плотникова. Колпинская улица, д. № 23.

Наше русское государство встарину много выстрадало всякихъ бѣдъ и несчастій отъ враговъ своихъ. Можетъ быть, одного шагу не найдется на немъ, который не былъ бы облитъ слезами и кровью нашихъ прадѣдовъ. Но самымъ памятнымъ и самымъ злѣйшимъ несчастьемъ русскаго народа былъ татарскій погромъ, татарское иго, о которыхъ доселѣ еще много разсказывается и распѣвается страшнаго въ русскихъ народныхъ сказкахъ и пѣсняхъ. Даже въ обыденномъ разговорѣ нашемъ чуется это тяжкое воспоминаніе. Слова „басурманинъ", „монголъ" и „татаринъ" нерѣдко и теперь еще почитаются въ народѣ какъ бы бранными. Да и не даромъ!..

„Эхъ, ты, матушка-голубушка,
Ты *неволюшка-татарская*,
Ты колодушка дубовая,
Ужъ ты плетушка шелковая!.."

Съ горькимъ смѣхомъ, сквозь стиснутые страданіемъ зубы,—такъ напѣвалъ про эту неволю, изнывавшій подъ ея бременемъ многотерпѣливый русскій человѣкъ.

И подлинно для нашей земли это была „дубовая колодушка."

Слишкомъ двѣсти лѣтъ томилась она въ ней, пока не разорвала и не разбила ее въ дребезги, собравшись съ силой, благодаря только крѣпкой вѣрѣ и неостывавшей любви къ себѣ сыновъ своихъ, а нашихъ прадѣдовъ!

Хотя быть можетъ вы и всѣ знаете, что былъ-де вотъ въ кои-вѣки татарскій погромъ на Руси; но-когда

былъ и какъ, съ достовѣрностью это не всякому извѣстно. Я разскажу вамъ теперь объ этомъ кстати.

Тысячу слишкомъ лѣтъ назадъ—время давнее—Россія, сказать-бы, впервые только стала Россіей, то-есть изъ многаго множества, самихъ по себѣ управлявшихся, небольшихъ общинъ и городовъ, собралась въ одно цѣлое государство и поставила надъ собой, съ общаго согласія, государя, или, какъ тогда называли, великаго князя. Этотъ первый государь нашъ назывался Рюрикъ. Но настоящаго единодержавія,—какъ теперь, тогда еще не было. Рюрикъ управлялъ русской землей не одинъ, а смежно съ братьями, каждый своею областью и, только по старшинству, почитался ими за набольшаго, почему и называли его, для отлички, не просто княземъ, а *великимъ* княземъ.

Такой порядокъ завелся надолго... Отъ первыхъ князей пошли сыновья, и каждый изъ нихъ получалъ отъ отца въ наслѣдіе особенную вотчину или княжество. Такимъ родомъ вскорѣ русская земля раздробилась на множество *удѣловъ*, или какъ бы отдѣльныхъ небольшихъ государствъ.

Пока князья жили между собою въ мирѣ и согласіи, слушались совѣтовъ и приказовъ старшаго, по праву великаго князя, княжившаго сперва въ Новгородѣ, потомъ въ Кіевѣ, во Владимірѣ и наконецъ въ Москвѣ; пока всѣ они радѣли и заботились не только о своихъ вотчинахъ, но и о благѣ всей русской земли, до тѣхъ поръ все шло еще такъ-сякъ, „ни шатко ни валко", какъ говорится. Но по пословицѣ—„у семи нянекъ дитя всегда безъ глазу бываетъ"—миръ длился недолго. Скоро между князьями пошли несогласія, зависть, ссоры, а наконецъ и братоубійственныя войны. Слово и совѣтъ великаго князя перестали имѣть надъ ними силу; всякъ теперь самъ хотѣлъ первенствовать, и въ-частую, кому изъ нихъ, бывало, посчастливится на войнѣ, тотъ и садился на великокняжескій престолъ безъ всякаго права и выбора, пока его другой соперникъ не сгонитъ. Великая смута и раззореніе отъ такихъ порядковъ пошли по всей русской землѣ и, казалось, скончанья имъ не будетъ! Горшее же зло отъ

этого было то, что тогдашніе враги Россіи пользовались такой неразумной рознью ея владѣтелей и нападали на нее со всѣхъ сторонъ, безпрепятственно грабили и раззоряли; часто даже,—по призыву самихъ князей, ради ихъ злобы и мести другъ противъ друга.

Понятно, что, при такихъ порядкахъ, какъ бы ни былъ силенъ и многочисленъ народъ—коли нѣтъ надъ нимъ единаго вождя, или хоть единства во многихъ вождяхъ—добра тутъ не можетъ быть, а одна бѣда и гибель. Бѣда и надвинулась отъ этого на русскую землю и, какъ нѣтъ худа безъ добра—научила ее, въ концѣ концовъ, хоть и горькимъ урокомъ, искать спасенія въ крѣпкомъ, дружномъ единствѣ всего народа, подъ избранной властью одного единодержавнаго государя!

Страшная бѣда эта, чуть не въ конецъ сгубившая нашу Русь—была именно татарскій погромъ, а съ нимъ татарское иго... Пришла она, какъ Божій гнѣвъ, не вѣсть откуда — нежданно-негаданно, и разразилась вдругъ съ такою-то ужасной силой, что не только Русь, а и всѣ сосѣднія съ ней государства—чуть не весь тогдашній свѣтъ, затрепеталъ отъ нее предсмертнымъ страхомъ!

Кто-жъ были эти страшные люди—татарскій народъ и откуда онъ взялся?

Тѣ смирные наши халатники-татары, которыхъ мы теперь видимъ и знаемъ, очень мало похожи на своихъ предковъ, какъ лицомъ, такъ обычаями и жизнью. Болѣе похожи на нихъ нѣкоторые полудикіе--неосѣдлые народы, которые въ настоящее время живутъ за нашей Волгой, въ безбрежныхъ степяхъ, питаясь отъ безчисленныхъ стадъ своихъ, а случается и отъ грабежа. Это калмыки, башкиры и другіе. Но и они далеко не родня, по лютости, отвагѣ и хищности, стариннымъ татарамъ. Сходство осталось только въ наружности и обычаяхъ.

Старинный татаринъ былъ небольшаго роста, сухощавъ, силенъ и ловокъ, особенно на конѣ, ѣздить на которомъ пріучался съ ребячества и слѣзалъ съ него очень рѣдко. Оттого онъ больше любилъ сражаться въ

полѣ—на просторѣ, чѣмъ при осадѣ городовъ. Лицомъ онъ былъ непригожъ и нескладенъ. Узкіе, маленькіе, темные глаза глядѣли какъ-то врозь, точно косые; широкія выпяченныя скулы на лицѣ дѣлали его на первый взглядъ какъ-бы распухшимъ, одутловатымъ. Мало прибавляли красоты этому лицу оттопыренныя губы и широкій, расплюснутый носъ. Волосъ на головѣ не было: они выстригались или сбривались; оставлялся только на темени небольшой клочекъ, въ видѣ косички. Словомъ—больно непригляденъ былъ этотъ страшный человѣкъ и въ особенности при его гнусной нечистоплотности и неряшливости. Смуглая, часто рябая кожа на его лицѣ казалась еще смуглѣе отъ никогда почти несмываемой грязи. Дорогая, награбленная одежда—шелковые халаты, бархатные охабни, шитые золотомъ и серебромъ, чуть не сплошь, были замазаны саломъ, вываляны въ грязи и изорваны. Татаринъ ихъ никогда не снималъ: они сами сползали съ его плечъ, когда совсѣмъ разваливались. Сверхъ этой одежды, въ походѣ и на войнѣ, онъ большею частію надѣвалъ на себя для защиты желѣзную или мѣдную кольчугу, а то панцырь и такой же шишакъ на голову; привѣшивалъ съ боку саблю, черезъ плечо лукъ и колчанъ съ острыми стрѣлами, а въ рукѣ держалъ длинное копье.

Ни селъ, ни городовъ настоящихъ у татаръ не было; земледѣлія они не знали и постоянно перекочевывали цѣлыми ордами съ одного мѣста на другое, отыскивая кормъ для своихъ безчисленныхъ стадъ рогатаго скота, верблюдовъ и лошадей. Гдѣ останавливались, ставили для себя шалаши, сплетенные изъ прутьевъ и сверху покрытые войлоками, съ отверстіемъ вверху, вмѣсто дымовой трубы, такъ какъ огонь у нихъ никогда не угасалъ на очагѣ. Самые ханы, ихъ властители, жили въ такихъ же шалашахъ, съ тою только разницей, что вмѣсто войлока тутъ шли въ дѣло дорогая шелковая парча и бархатъ, а столбы и подпорки, какъ внутри, такъ и извнѣ, оковывались золотомъ и серебромъ.

Мясо и жидкая просяная каша были главной пищей этихъ дикарей. Хлѣба они не знали; но очень любили хлѣбное и всякое другое вино и напивались имъ

до послѣдней крайности. Мужчины занимались только войной и охотой, а всѣ домашнія работы по своему нехитрому хозяйству взваливали на своихъ женъ, которыхъ у иного богатаго и знатнаго—случалось до сотни и болѣе. Законъ ихній позволялъ многоженство; а вѣра у нихъ была не вѣсть какая. Были межъ ними магометане, были идолопоклонники, а впослѣдствіи попадались и христіане. Единой вѣры у нихъ не было, какъ не было и никакихъ гражданскихъ законовъ. Выбравъ надъ собой владыку-хана, они покорялись его суду и приказамъ безпрекословно во всемъ.

Межъ собой татары жили довольно согласно и мирно; но всякихъ иноземцевъ ненавидѣли, и въ своихъ набѣгахъ на нихъ бывали страшно свирѣпы, хищны и кровожадны. Никому не давали пощады—ни старымъ, ни малымъ, ни хворымъ!..

До перваго татарскаго нападенія на нашу землю, о народѣ этомъ никто ничего не зналъ и не слышалъ. Жилъ онъ сперва, разсѣянный на небольшія племена и орды, за тысячами верстъ отъ насъ, въ отдаленныхъ, глухихъ и неизвѣстныхъ степяхъ, по близости съ Китаемъ. Въ этакомъ разрозненномъ положеніи онъ былъ неопасенъ и о немъ мудрено было тогда и знать что-нибудь. Но вотъ появился среди него, лѣтъ шестьсотъ назадъ, ненасытный до крови и грабежей, славный, небывалый воитель, который, войдя въ силу, хотѣлъ-было завоевать и раззорить цѣлый свѣтъ. Это былъ знаменитый Чингисъ-ханъ, настоящій татарскій богатырь и гроза всему тогдашнему человѣчеству. Уже въ самой ранней молодости проявилъ онъ необыкновенную отвагу и жестокость. Отецъ оставилъ ему въ наслѣдіе 40,000 семействъ, изъ которыхъ многія, разсчитывая на молодость и неопытность Чингисъ-хана, отошли изъ подъ его власти, но скоро поплатились за это... Молодой ханъ пошелъ на нихъ войною—разбилъ на-голову, покорилъ и въ 70-ти котлахъ, наполненныхъ кипящею водою, сварилъ главныхъ зачинщиковъ бунта. Съ этой поры онъ не переставалъ воевать до конца жизни, все болѣе и болѣе увеличивая свое дикое войско и все шире и шире раздвигая свои ужасныя завоеванія. Ни-

какія рати, никакія стѣны и крѣпости не могли удержать стремительнаго напора Чингисъ-хановыхъ ордъ. Все опрокидывали онѣ, топтали и истребляли, оставляя за собой широкій слѣдъ смерти и разрушенія. Разграбленные города и села, сожигались ими до тла, а всѣ жители умерщвлялись и только частію уводились въ вѣчное рабство. Ничѣмъ—ни мольбами, ни покорностію нельзя было смягчить лютости татаръ. У нихъ было правило, что такъ какъ побѣжденные никогда не могутъ сдѣлаться друзьями побѣдителей, то послѣдніе, для своей безопасности, не должны оставлять ихъ въ живыхъ.

Когда Чингисъ-ханъ покорилъ всѣ мелкія татарскія племена и соединилъ ихъ подъ своею властію въ одну огромную воинственную орду, то первый свой убійственный ударъ онъ нанесъ Китайскому государству. Раззоривъ и покоривъ его, а равно и всѣ другія сосѣднія государства, Чингисъ-ханъ повернулъ свои несмѣтныя полчища въ другую сторону, къ нашей Волгѣ-матушкѣ, понизовье которой въ тѣ времена еще не было въ русской власти. Тутъ они прежде всего столкнулись и разгромили такихъ же, какъ и сами, степныхъ полудикихъ народовъ — половцевъ и хозаръ, нерѣдко прежде воевавшихъ съ Россіею.

Прибѣжали теперь разбитые половцы въ Кіевскую область, искать защиты и покрова отъ невѣдомыхъ враговъ; прибѣжали съ своими семействами, стадами и богатствами и стали предостерегать русскихъ.

„Нынѣ татары взяли нашу землю; завтра они возьмутъ и вашу!“ говорили они имъ, и говорили сущую правду.

Страшная туча надвигалась надъ русской землей и была уже близко...

Ужаснулись князья и народъ, какъ узнали про это отъ бѣглецовъ половецкихъ и тѣмъ страшнѣе казались имъ эти нежданно нахлынувшіе враги, что никто ихъ не зналъ дотолѣ даже по имени: чтò за народъ, сколько его, храбръ-ли онъ и какимъ оружіемъ воюетъ? Все это было неизвѣстно; а въ такомъ дѣлѣ ничего худшаго быть не можетъ, какъ если не знаешь, кто и ка-

Къ стр 7

Битва при Калкѣ.

ковъ твой врагъ? Однако, колебаться времени не было... И хотя, какъ вы уже знаете, на Руси, раздѣленной на множество княжествъ, царствовала тогда немалая безурядица, но, для отраженія татарскаго нашествія, грозившаго всей русской землѣ, многіе князья согласились дѣйствовать за-одно, т.-е. собрать свои рати и вмѣстѣ идти на врага. Сдѣлалось такъ, благодаря княжившему въ ту пору на великокняжескомъ престолѣ— „отважному", „благоразумному" и „доброму", какъ его прозывалъ народъ, князю Мстиславу Романовичу Кіевскому. Онъ созвалъ князей, убѣдилъ ихъ постоять сообща за русскую землю, и вскорѣ отправился съ ними и съ порядочнымъ войскомъ къ границѣ русской, на встрѣчу татарскимъ ордамъ...

Татары на походѣ двигались не скоро, да иначе и нельзя было. Тутъ шло не одно войско, а цѣлый народъ, съ семьями и со всѣмъ своимъ достаткомъ. Необозримой толпою, раскинувшейся на многія версты, тянулись они по степямъ, съ своими несмѣтными стадами и обозами. Тысячеголосый ревъ скота, ржанье коней, шумный говоръ и дикія пѣсни людей, смѣшивались съ звономъ оружія, со стукомъ и скрипомъ безчисленныхъ телѣгъ. Этотъ оглушающій топотъ и шумъ далеко разносился кругомъ по степи, и такъ былъ великъ, что когда только часть орды приблизилась къ Кіеву, то жители его не могли слышать другъ друга въ разговорахъ.

Впервые встрѣтились и узнали русскіе, каковъ этотъ, что саранча прожорливая, истребительный народъ, на рѣкѣ Калкѣ, въ задонскихъ степяхъ. Тамъ наше войско, подъ главенствомъ великаго князя Мстислава Романовича, поджидало татаръ, не съ хлѣбомъ-солью—съ копьемъ булатнымъ, съ острымъ мечемъ-кладенцемъ, чтобъ попировать съ незваными гостями во чистомъ полѣ, попировать раздольнымъ кровавымъ пиромъ. Битва началась... Какъ тучи черныя, одна другой шире и гуще, наскакивали татары со всѣхъ сторонъ на русское войско и сыпались каленыя стрѣлы неуемнымъ дождемъ.

Въ рукопашную вступали они неохотно... Долго,

цѣлыхъ семь дней, длилась эта неровная битва: татаръ во много кратъ было больше, чѣмъ русскихъ и, наконецъ, по поговоркѣ „сила солому ломитъ“—наши не выстояли... Большая половина русской рати костьми полегла на широкомъ полѣ, за святую родину. Однихъ кіевлянъ было убито здѣсь до десяти тысячъ; не дешево купили и татары свою побѣду—и до того остервенились долгимъ сопротивленіемъ русскихъ, что всѣхъ попавшихся къ нимъ въ плѣнъ нашихъ воиновъ замучили страшною смертію. Пощады никому не было. Великій князь Мстиславъ Романычъ съ двумя другими князьями и съ своимъ полкомъ попался къ нимъ въ руки обманомъ. Бился онъ съ ними въ укрѣпленномъ станѣ и не поддавался... Побѣдить онъ не могъ, но хотѣлъ умереть со славою... Видя его твердую рѣшимость и жалѣя своихъ воиновъ, татары пошли какъ будто на мировую и сказали, что они свободно выпустятъ его съ войскомъ на родину, далъ-бы онъ имъ только выкупъ. Князь повѣрилъ и согласился. Онъ не зналъ тогда, что у татаръ въ этихъ разахъ, не было ни чести, ни совѣсти. Давъ слово, теперь они его не только не сдержали, но съ неслыханнымъ коварствомъ и лютостью замучили до смерти довѣрившихся имъ русскихъ. Особенно жестоко пострадали Мстиславъ Романычъ и двое другихъ князей. Татары задушили ихъ подъ досками и сѣли потомъ пировать на ихъ тѣлахъ, точно воронье нечестивое и безчувственное!..

Вздрогнулъ весь народъ русскій, какъ дошла до него вѣсть объ этой несчастной битвѣ—памятной битвѣ на р. Калкѣ! Орды Чингисъ-хановы шли за бѣгущимъ остаткомъ нашего войска и дошли до самаго Днѣпра, обращая все живое на пути своемъ въ прахъ и пепелъ. Всѣ ждали ихъ съ неизъяснимымъ страхомъ и никто не думалъ теперь защищаться. “Согрѣшили мы, окаянные — пришелъ на насъ судъ Божій“— „Божья кара“, говорилъ народъ, и молился съ воплями и стенаніями, готовясь къ послѣднему часу. Богъ на сей разъ услышалъ его молитву. Татары, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, вдругъ повернули назадъ за предѣлы Россіи по призыву самого Чингисъ-хана. Грозная туча какъ

Татарскій пиръ на трупахъ умерщвленныхъ Русскихъ князей

внезапно явилась, такъ внезапно и исчезла... На долго-ли? Никто этого не зналъ; но всѣмъ вздохнулось какъ послѣ тяжкой болѣзни—легко и отрадно... Селенія, опустошенныя татарами, по берегу Днѣпра, еще дымились въ развалинахъ; отцы, матери, друзья оплакивали убитыхъ и замученныхъ, а остальной народъ и князья совсѣмъ успокоились и почитали минувшее зло послѣднимъ. Опять пошло на Руси все по-старому, опять князья завели свои неразумные споры, раздоры и войны.

А между тѣмъ, бѣда вовсе не исчезла, а только притаилась на короткое время, но немногіе чуяли это.

Въ народѣ однако сталъ ходить говоръ про ея знаменія. Главнымъ такимъ знаменіемъ для суевѣрныхъ людей казалось появленіе на небѣ звѣзды необыкновенной величины—кометы, по-ученому, которая цѣлую недѣлю показывалась съ запада и пугала темный разумъ своимъ яркимъ, красноватымъ, какъ-бы кровавымъ, сіяніемъ.

По знаменіямъ-ли, нѣтъ-ли, но бѣда дѣйствительно воротилась скоро, и теперь уже гораздо лютѣе и страшнѣе, чѣмъ прежде... Обхватила она какъ цѣпью желѣзной, какъ клещами неразъятными, всю русскую землю; покрыла ее отъ края до края срамомъ и горемъ великимъ, и долго-долго не давала ей свободно вздохнуть, свободно расправить намученныя кандалами руки... Вспомните, что этотъ тяжкій яремъ лежалъ на плечахъ нашихъ предковъ болѣе двухсотъ лѣтъ!.. А въ печали вѣдь и несчастьи время кажется вдвое длиннѣе... Да, во-истину много выстрадала наша родная земля, нашъ народъ многотерпѣливый!..

Чингисъ-ханъ скончалъ свою славную, но недоброй славой ненавистную и ужасную жизнь, завѣщавъ своимъ наслѣдникамъ, такимъ же лютымъ и кровожаднымъ, завоевать весь свѣтъ и давать миръ только побѣжденнымъ народамъ. Исполняя волю умершаго хана, татары опять въ несмѣтномъ числѣ нахлынули на Россію и въ этотъ разъ совсѣмъ неожиданно. Впереди ихъ ѣхали послы и говорили князьямъ и народу: „Если хотите мира,—пусть десятая часть всего вашего достоянія,

будетъ наша.“ Позорное и раззорительное условіе это принимали немногіе. Большая часть князей отвѣчала татарскимъ посламъ: „Когда изъ насъ никого въ живыхъ не останется, тогда все возьмите!“ и храбро шло разрозненное по княжествамъ русское воинство на неравный бой съ басурманами... О побѣдѣ тутъ уже и думать нельзя было—оставалось только принять славный мученическій вѣнецъ за святую вѣру и родную землю... И много русскихъ людей приняли въ ту пору такой вѣнецъ!..

Можетъ и не было бы такого страшнаго несчастья, можетъ быть мы и одолѣли и прогнали бы татаръ, кабы въ самой Руси не снѣдалъ ея силу въ то время другой врагъ. Врагъ этотъ, повторю еще разъ,—была неразумная, гибельная рознь и несогласіе между князьями. Они и тогда продолжали враждовать между собою и не давать другъ другу помощи, когда на головы всѣхъ ихъ—равно—злой татаринъ закидывалъ свой убійственный арканъ. Смутное, печальное время!

Вскорѣ татары, подъ главенствомъ племянника ханова—Батыя, раззорили, залили русской кровью, закабалили всю тогдашнюю нашу землю! Гдѣ они ни шли —города и села исчезали, а головы жителей падали на землю, какъ трава скошенная! Цѣлыя области походили на огромныя кладбища. Гдѣ цвѣли города и села; тамъ остались одни кучи пеплу и мусору, на которыхъ грудами валялись тѣла убитыхъ жителей.

Князья, воеводы и цѣлыя тысячи разнаго пола и возраста людей лежали рядомъ на обагренномъ кровью ковылѣ, никѣмъ не убранные. Ихъ терзали дикіе звѣри и клевали хищныя птицы... Изрѣдка только робко показывались живые люди, укрывшіеся въ лѣсахъ и захолустьяхъ, поплакать и погоревать надъ гибелью родины!..

Изъ тѣхъ, кто попадался въ руки татаръ, въ живыхъ оставалось немного. Съ плѣнниками они обращались ужасно. Какъ бы веселясь ихъ отчаяніемъ и муками, они распинали ихъ на крестахъ, разстрѣливали и всячески истязали. Оскверняли святыню храмовъ насиліемъ монахинь, женъ и дѣвицъ, въ присутствіи

Къ стр. 10.

Русскіе плѣнные, сожигаемые татарами въ храмѣ Божіемъ.

издыхающихъ мужей, отцовъ и матерей; жгли священниковъ или кровію ихъ обливали алтари. Маленькихъ, грудныхъ ребятъ сажали на копья, или, ухвативъ за ноги, разбивали имъ головы о камни... Нельзя изобразить вполнѣ всѣхъ ужасовъ, которыми ознаменовали себя свирѣпые татары! Кто изъ русскихъ оставался тогда въ живыхъ — тотъ завидовалъ умершимъ. По крайней мѣрѣ не мучишься болѣ самъ и не видишь мученій своихъ братьевъ. А въ живыхъ татары оставляли больше всего молодыхъ женщинъ и подлѣтковъ себѣ на рабство и звѣрскую потѣху. Княжескія и боярскія жены, не знавшія заботъ и трудовъ—сдѣлались рабами варваровъ, носили воду для ихъ женъ, мололи жерновомъ, и бѣлыя руки свои опаляли надъ очагомъ, готовя пищу убійцамъ своихъ мужей и отцовъ... Недоля, тяжеле которой и придумать невозможно!..

Завоевавъ всю Россію и другія сосѣднія съ ней страны, татары возвратились къ берегамъ Волги и тамъ Батый, именуясь ханомъ, утвердилъ свою столицу и сталъ полновластно управлять завоеванными имъ государствами. Никто не смѣлъ ему противиться: народы и государи старались умилостивить его смиренными посольствами и богатыми дарами. Батый звалъ къ себѣ князей русскихъ, начавъ съ великаго князя. Ослушаніе казалось теперь неблагоразумнымъ: вся Россія была обезлюдена, изнурена и полна развалинъ и гробовъ; стало быть о сопротивленіи нельзя было и помышлять. Князья, одинъ за другимъ, съ боярами, покорно отправлялись въ Орду „бить челомъ“ великому хану. Всѣ они какъ бы отреклись теперь отъ независимости и склонили шею, а съ ними и весь народъ русскій, подъ иго басурманское. Не побывавъ въ Ордѣ и не поклонившись хану, ни одинъ князь не могъ спокойно княжить въ своей вотчинѣ. Его власть утверждалась только съ ханскаго соизволенія. Народъ же весь орда обложила данью или податью, которую ежегодно сбирали съ него особенные татарскіе сборщики, называвшіеся баскаками. Утѣсненія и нужда отъ этихъ поборовъ были великія, но не исполнить корыстныхъ требованій баскаковъ —значило накликать на себя еще

горшую бѣду: по одному слову ихъ наѣзжали татарскія полчища и жестоко карали непокорныхъ. Требуя дани и покорности, татары однако ни въ какія дѣла наши не вмѣшивались, и оттого на Руси оставались старые порядки. Князья, если успѣвали угодить хану, по-прежнему владѣли своими княжествами, по-прежнему не ладили между собой, и вмѣсто того, чтобъ соединиться и дружно собрать силы для низложенія общаго врага, постоянно ссорились, всячески стараясь повредить одинъ другому. Этого мало:—ссоры свои они не стыдились давать на судъ ханскій, задобривая его и его приближенныхъ расточительными дарами и взятками, чтобъ только поставить на своемъ, т.-е. погубить соперника, хоть бы и родного брата. Кто изъ нихъ бывалъ лукавѣе, кто лучше умѣлъ подлаживаться къ татарамъ и щедрѣе задаривать ихъ, тотъ, разумѣется, и бывалъ тутъ правъ и бралъ верхъ надъ супротивникомъ... Татарскій судъ въ тѣ времена, въ особенности, для русскихъ былъ, судъ самый неправедный и фальшивый, что̀ вы увидите сами сейчасъ изъ разсказа моего про приснопамятнаго князя Михаила Тверскаго...

Прошло лѣтъ сто, какъ татары владѣли и обирали безъ сопротивленія нашу землю. Многіе изъ русскихъ думали уже, что этому и скончанья не будетъ; но, съ другой стороны, не мало было и такихъ, болѣе смѣлыхъ и горячо любящихъ родину, которые спали и видѣли только, какъ-бы свергнуть съ себя татарскіе путы. Къ такимъ славнымъ и отважнымъ людямъ принадлежалъ и князь Михаилъ Ярославичъ Тверской!.. Тверскимъ онъ названъ по вотчинѣ своей—Твери. Была эта задушевная дума и у другихъ князей русскихъ—въ особенности у московскихъ, да только, по несогласію между собой, всякъ изъ нихъ думалъ объ этомъ дѣлѣ про себя и по-своему. Михаилъ Ярославичъ—человѣкъ умный, чрезвычайно честный и богобоязненный,—задумывалъ добиться цѣли—*правдой*, одной правдой и открытымъ мужествомъ. Онъ никого не хотѣлъ губить изъ своихъ соперниковъ, не хотѣлъ и хитрить передъ татарами... Къ несчастью, время тогда было лихое и одной правдой ничего нельзя было подѣлать!..

Русскій князь съ поклономъ у татарскаго хана.

За свою-то нерушимую правдивость жестоко и пострадалъ этотъ святой мученикъ—жертва лукавыхъ, жестокихъ козней двоедушнаго врага своего.

Лѣтъ за пятнадцать до начала нашего разсказа, въ 1304 году, умеръ великiй князь всея Руси—сынъ знаменитаго Александра Невскаго — Андрей Александровичъ. По старинному праву великокняжескiй престолъ долженъ былъ перейти въ руки тверскаго князя Михаила Ярославича, какъ ближайшаго наслѣдника по крови—Александру Невскому. Такъ оно и случилось: бояре и князья отправились, по заведенному порядку, въ Тверь звать Михаила Ярославича въ стольный городъ Владимiръ, тогдашнюю столицу всей Россiи.

Михаилъ съѣздилъ въ Орду, воротился съ ханскимъ ярлыкомъ (т.-е. грамотой на княженiе), договорился съ разными русскими княжествами, что станетъ нерушимо соблюдать ихъ права, и сдѣлался великимъ княземъ всей русской земли, по общему, стало быть, ея выбору и согласiю.

Но въ то самое время, какъ Михаилъ хлопоталъ въ Ордѣ объ ярлыкѣ, сынъ его друга Данiила Александровича, его собственный племянникъ Юрiй Даниловичъ, князь московскiй, въ свою очередь добивался великаго княженiя Всея Руси, на которое не имѣлъ однако ни малѣйшаго права. Съ этого-то и начался раздоръ между дядей и племянникомъ, кончившiйся такъ гибельно для перваго!... На сторонѣ Михаила Ярославича была правда и законъ—была и любовь народная, потому что человѣкъ онъ былъ, какъ я сказалъ, добросердечный, справедливый и попечительный къ своимъ подданнымъ; на сторонѣ же его супротивника — Юрiя Даниловича, вмѣсто правды и закона, была корысть неугомонная и зависть, да лукавство жестокосердое, да забвенiе всего святаго. Что таковъ онъ былъ дѣйствительно, это всѣ тогда знали и всѣ ненавидѣли его, даже родные братья. Причинъ на это было немало. Отецъ его плѣнилъ, при жизни своей, князя рязанскаго Константина и держалъ въ тюрьмѣ на Москвѣ лѣтъ шесть. Когда на княженiе вступилъ Юрiй Даниловичъ, то ему показалось, что князь Констан-

тинъ, хоть и невольный, мѣшаетъ ему въ конецъ овладѣть уже захваченнымъ княжествомъ Рязанскимъ. Юрій отдѣлался отъ этой помѣхи—скоро и коротко: по его приказу несчастный князь Рязанскій былъ зарѣзанъ въ тюрьмѣ подосланными убійцами. Въ тѣ времена нажить себѣ врага въ такомъ ужасномъ человѣкѣ, имѣвшемъ притомъ силу и власть—значило рисковать всѣмъ —и головой, и семьей, и достаткомъ, потому что тогда, по милости татаръ, свѣтъ стоялъ на Руси неправдой, а одной кривдой!

Какъ не справиться ясноперой бѣлой лебеди въ бою съ остроклювымъ хищнымъ коршуномъ, такъ не сносить было головы прямодушно-чистому, отважному князю Михаилу въ спорѣ съ человѣкомъ-коршуномъ, коварнымъ и кровожаднымъ Юріемъ!

Пріѣхавъ въ Орду къ хану, Юрій Даниловичъ, сперва старался задобрить татаръ своимъ низкопоклонствомъ и, хорошо зная ихъ жадность къ золоту, объявилъ вдругъ, что онъ даетъ больше „выходу", чѣмъ законный наслѣдникъ престола Михаилъ. „Выходомъ" въ то время назывались подарки Ордѣ за ярлыкъ на престолъ или на что другое, безъ которыхъ ничего нельзя было получить. Однако, такъ какъ князь Михаилъ былъ богаче московскаго князя, то этотъ способъ послѣднему не удался. Кажется, Юрію можно было-бы и угомониться, но у него натура была крутая и завзятая, которую неудачи и препятствія только подстрекали—онъ началъ подкопы вести изъ Москвы противъ Михаила. У нихъ завязалась война: великій князь два раза ходилъ ратью на племянника, но не могъ смирить его и угомонить. Въ это время вольница новгородская, поджигаемая Юріемъ Даниловичемъ, возмутилась противъ Михаила, и когда онъ разбилъ ея силы, —отправила къ хану пословъ съ жалобой на своего законнаго государя... Жалоба эта татарскимъ судьямъ показалась довольно справедливой—и очень просто: въ ея доказательство челобитчики поднесли богатѣйшіе дары въ золотѣ и серебрѣ. Очутился на ту пору въ Ордѣ и оборотливый князь Юрій... Прожилъ онъ тамъ три года, вертѣлся, кланялся на всѣ стороны и на-

столько успѣлъ разуважить хана и его приближенныхъ, что они женили его на родной ханской сестрѣ,—царевнѣ Кончакѣ!.. Милость по тому времени богатая и великая! Царевна эта, выйдя замужъ за Юрія, даже приняла, съ согласія брата, православіе и перекрещена была изъ Кончаки въ Агафью.

А царствовалъ тогда въ Ордѣ ханъ Узбекъ—человѣкъ, для татарина тогдашняго — не злой и желавшій добра своимъ многочисленнымъ и разношерстымъ подданнымъ, да только то горе, что былъ онъ, по характеру своему, что ковыль въ чистомъ полѣ—куда вѣтеръ подулъ, туда онъ и нагнулся,—легко поддавался Узбекъ всякимъ наущеніямъ,—поддавался, между прочимъ, и—вину...

Какъ женился князь Юрій Даниловичъ на царевнѣ Кончакѣ, а теперь Агафьѣ—ему, какъ свояку ханскому, татары не задумались дать тотчасъ-же ярлыкъ на княженіе всея Руси, хотя и знали, что ими же назначенный великій князь Михаилъ живетъ еще и здравствуетъ. Ну, да у нихъ, на этотъ счетъ, какъ я говорилъ уже, законы были неписаны. Давъ ярлыкъ, дали татары Юрію и порядочную дружину подъ начальствомъ Узбекова любимца Кавгадыя. Кавгадый этотъ долженъ былъ, по наказу ханскому, надзирать за Юріемъ, быть его совѣтникомъ и доносить въ Орду о каждомъ его словѣ, о каждомъ почти шагѣ. Тоже нельзя сказать, чтобъ была тутъ Юрію особенная находка; но у такихъ людей—мытьемъ-ли, катаньемъ, чѣмъ ни взять свое, а взять бы только!

И вотъ явился на Русь православную князь московскій съ молодой женой, окруженный татарскимъ полчищемъ—не то слуга его, не то начальникъ, и—не говоря худаго слова—отправился завоевывать Тверь, гдѣ сидѣлъ въ то время его супротивникъ великій князь Михаилъ. Увидѣлъ тутъ Михаилъ Ярославичъ, что дѣло его, почитай, проиграно: съ Ордой бороться не приходилось! Онъ отправилъ пословъ къ племяннику съ убѣдительной просьбой оставить его въ покоѣ и даже добровольно отказывался отъ великаго княженія всея Руси.

Его послы сказали Юрію:

— Будь великимъ княземъ, если такъ угодно хану, только оставь Михаила спокойно княжить въ его наслѣдіи—въ Твери: иди во Владиміръ и распусти свое войско!

Но Юрію этого теперь было мало. Вмѣсто отвѣта—онъ сталъ раззорять и опустошать Тверское княжество.

Тогда Михаилъ призвалъ на совѣтъ княжескій бояръ и архипастыря и говорилъ имъ:

— Разсудите меня съ племянникомъ! Не самъ-ли ханъ утвердилъ меня на великомъ княженіи? Не заплатилъ-ли я ему выхода? Теперь я отказываюсь отъ этого достоинства и не могу укротить злобу Юрія... Онъ ищетъ головы моей, жжетъ и терзаетъ мою наслѣдственную область... Совѣсть меня не упрекаетъ; но можетъ я ошибаюсь — скажите, виновенъ-ли я передъ Юріемъ?

Тронутый этими благодушными словами, совѣтъ отвѣтилъ единогласно:

— Ты правъ, государь, и когда смиреніе твое не могло тронуть ожесточеннаго врага, то возьми праведный мечъ въ десницу; иди: съ тобою Богъ и вѣрные слуги, готовые умереть за добраго князя.

— Не за меня одного, сказалъ Михаилъ, но за множество людей, ни въ чемъ неповинныхъ, которыхъ Юрій лишаетъ теперь отеческаго крова, свободы и жизни. Да будетъ надъ нами воля Господня!

И великій князь, собравъ мужественное войско, пошелъ навстрѣчу Юрію. Началась битва. Казалось, что Михаилъ искалъ себѣ смерти, онъ сражался какъ левъ: шишакъ и латы его были изстрѣлены и обсѣчены; но князь цѣлъ и невредимъ: вездѣ отражалъ и гналъ онъ непріятелей и наконецъ обратилъ ихъ въ постыдное бѣгство. Славная побѣда эта спасла множество тверитянъ, взятыхъ въ неволю татарами: смотря издали на кровопролитіе, безоружные и скованные, они помогали князю усердными молитвами и, видя его торжество, плакали отъ радости.

Въ числѣ плѣнныхъ, взятыхъ Михаиловымъ вой-

[illegible]

скомъ, попались: жена Юрія—царевна Кончака и самъ узбековъ военачальникъ Кавгадый. Видя свою побѣду, великій князь запретилъ своимъ воинамъ бить татаръ и съ честью, не какъ враговъ, а какъ друзей, принялъ Кончаку и Кавгадыя. Юрій Даниловичъ между тѣмъ бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ у Михаила, какъ мы знаемъ, было много супротивниковъ.

Обласкавъ и богато обдаривъ Кавгадыя, великій князь отпустилъ его къ хану во-свояси—и тотъ клялся ему въ вѣчной дружбѣ и покровительствѣ. Мы увидимъ позже—какова эта была дружба татарская! Мало этого: —Михаилъ первый предложилъ полный миръ и заклятому врагу своему Юрію. Опять повторялъ, что отказывается, несмотря на побѣду свою, отъ великаго княженія, и звалъ Юрія вмѣстѣ ѣхать въ Орду разъяснить хану, изъ-за чего у нихъ война и несогласіе вышли.

Но въ это время, къ несчастью, царевна Кончака скоропостижно — ни съ того, ни съ сего— умерла въ Твери, а враги великаго князя сейчасъ распустили ложную молву, что она была отравлена ядомъ. Можетъ быть, самъ Юрій вымыслилъ эту клевету, пользуясь случаемъ, чтобы всячески очернить своего великодушнаго непріятеля въ глазахъ Узбека. Провожаемый множествомъ бояръ и князей, онъ вмѣстѣ съ Кавгадыемъ отправился къ хану и обвинилъ передъ нимъ Михаила: въ бунтѣ противъ ханской власти, въ отравленіи Кончаки, въ сношеніяхъ съ римскимъ папою и не вѣсть еще въ чемъ, чего великій князь и не помышлялъ никогда...

Узбекъ, подущаемый двоедушнымъ Кавгадыемъ, повѣрилъ этимъ доносамъ и потребовалъ Михаила Ярославича въ Орду на судъ.

Тотъ вмѣсто себя послалъ сына своего Константина—мальчика 12 лѣтъ—защитника слабаго и безсловеснаго. Константина задержали въ Ордѣ, а Михаила опять-таки стали требовать: Юрію нужна была гибель его, во чтобы ни стало...

Дѣлать было нечего: взявъ благословеніе у епископа, Михаилъ отправился въ Орду, по ханскому зову.

Его долго провожали великая княгиня Анна и множество бояръ и парода... Всѣ чуяли что-то недоброе.

Наконецъ Михаилъ дорогой отпустилъ ихъ домой, исповѣдался, съ умиленіемъ причастился и сказалъ своему духовнику:

— Молись обо мнѣ, св. отецъ! Можетъ быть, въ последній разъ открываю тебѣ мою душу. Потомъ, обернувъ глаза къ роднымъ полямъ и, точно прощаясь съ ними, задушевно возговорилъ:

— Отчизна моя! Я всегда любилъ тебя болѣе всего, я всегда старался сдѣлать тебя по возможности счастливой, но не могъ прекратить нашихъ злобныхъ, братоубійственныхъ междуусобицъ. Чтожъ? Теперь, по крайней мѣрѣ, буду доволенъ, если хоть смерть моя успокоитъ тебя, мою дорогую родину!

Во Владимірѣ Михаила встрѣтилъ ханскій посолъ и объявилъ ему гнѣвъ Узбека — это было страшное тогда слово!

— Спѣши къ царю! говорилъ онъ: — или полки его нагрянутъ въ твою область... Кавгадый говоритъ, что ты выходишь изъ покорности.

Устрашенные бояре и князья совѣтовали Михаилу остановиться. Сыновья, со слезами на глазахъ, заклинали его не ѣздить въ Орду и послать туда кого-нибудь изъ нихъ, чтобы умилостивить хана.

— Нѣтъ! твердо отвѣтилъ Михаилъ. Ханъ требуетъ меня, а не васъ. Подвергну-ли мою родину новому несчастью? Можемъ-ли бороться со всею силою невѣрныхъ? За мое ослушаніе опять падетъ множество головъ христіанскихъ, опять поведутъ толпами въ плѣнъ бѣдныхъ русскихъ людей... Нѣтъ! Лучше пусть умру я одинъ, когда еще могу моей гибелью спасти другихъ!...

Всѣ увидѣли, что мужественный князь Михаилъ не измѣнитъ своего рѣшенія, и смолкли, дивясь его великой, милосердой душѣ. Онъ написалъ завѣщаніе, распорядилъ сыновьямъ удѣлы, далъ имъ отеческое наставленіе, какъ жить добродѣтельно и простился съ ними на вѣки.

Михаилъ Ярославичъ нашелъ Узбека и всю его

Орду на берегахъ Дона, въ необъятныхъ степяхъ котораго ханъ тѣшился въ то время охотой. Это была любимая забава татаръ, когда войны не случалось, и продолжалась она очень долго—два, три мѣсяца. Каждый воинъ надѣвалъ лучшую свою одежду, садился на лучшаго коня. Купцы на безчисленныхъ телѣгахъ везли товары индійскіе, греческіе и всякіе другіе,—по преимуществу же вино; роскошь и безконечное дикое веселіе стояли въ шумныхъ, необозримыхъ станахъ, и безлюдныя степи походили въ это время на улицы обширныхъ городовъ.

Князь Михаилъ чуть пріѣхалъ въ Орду, тотчасъ же явился къ хану—поднесъ ему, ханшѣ и всѣмъ сановитымъ татарамъ богатые дары—и ждалъ своей участи. Шесть недѣль прожилъ онъ спокойно, не слыша ни угрозъ, ни обвиненій; но вдругъ Узбекъ, подущенный Кавгадыемъ, точно вспомнивъ совершенно забытое дѣло, приказалъ своему совѣту разсудить Михаила съ Юріемъ и нелицемѣрно рѣшить—кто изъ нихъ двухъ заслуживаетъ казни. Начался судъ. Судьи собрались въ отдѣльномъ шатрѣ, близъ ханской ставки, призвали Михаила и велѣли ему отвѣчать на извѣты враговъ его. Великій князь ясно доказалъ несправедливость обвиненій; но злой и двоедушный Кавгадый, другъ и покровитель Юрія—былъ тутъ главнымъ доносчикомъ, былъ и главнымъ судьею! Праведнаго суда, значитъ, напрасно тутъ было дожидаться... На вторичный допросъ Михаила привели въ судъ уже связаннаго. Оправданій его не слушали, отдали подъ стражу и заковали въ кандалы до поры, пока ханъ не рѣшитъ окончательно, какъ и чѣмъ наказать его.

Страданія невиннаго мученика начались. Татарскіе пристава разогнали приближенныхъ къ Михаилу бояръ и слугъ, разграбили его ставку и наложили на его шею тяжелую дубовую колоду. Впослѣдствіи подкупами и милосердіемъ доброй жены Узбека, Ханши Баялынь, къ великому князю были допущены опять его вѣрные друзья и слуги—дѣлить заключеніе и облегчать тяжкія муки своего несчастнаго государя. Сказать къ слову, добродушная Баялынь постоянно сожалѣла объ участи

Михаила еще и потому, что, не имѣя своихъ дѣтей, полюбила его отрока-сына Константина; но спасти страдальца у ней не было власти и силы.

Въ бѣдной холщевой ставкѣ, покрытой по полу простымъ войлокомъ, сидѣлъ великій князь въ тихой бесѣдѣ съ духовникомъ своимъ, съ которымъ онъ часто и по-долгу теперь молился, чуя вѣщимъ сердцемъ близкую кончину. Нѣкогда красивый, высокій, дородный, князь Михаилъ въ настоящее время былъ страшно худъ и немощенъ. Уже скоро мѣсяцъ, какъ на плечахъ у него лежала страшная колодка. Это былъ дубовый квадратъ изъ толстыхъ досокъ, съ широкимъ отверстіемъ въ срединѣ для шеи и двумя поменьше для рукъ. Не столько тяжела была колодка для крѣпкаго, могучаго князя, сколько тяготило его то, что въ ней нельзя было свободно повернуться: она шею рѣзала, плечи натирала и не давала ни сѣсть, ни лечь, ни прислониться. За нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ, ухаживали—тринадцатилѣтній сынъ Константинъ, нѣсколько слугъ, да нѣсколько бояръ. Князю нездоровилось, его била лихорадка. Онъ былъ страшно изнуренъ, пройдя пѣшкомъ за Ордою, на веревкѣ и въ колодѣ, отъ Дона къ городу Дербенту многія сотни верстъ.

Но въ душѣ онъ былъ спокоенъ и даже старался ободрить другихъ,—своихъ близкихъ, глядѣвшихъ на него съ великой печалью и жалостью.

— Друзья мои! говорилъ имъ Михаилъ: вы долго видѣли меня въ чести и славѣ—будемъ-ли роптать на волю Божью, ниспославшую кратковременное злополучіе? Рамена мои скоро освободятся отъ этого тяжкаго бремени.

Ханъ Узбекъ медлилъ рѣшить его участь. Какъ я говорилъ вамъ, человѣкъ онъ былъ незлой, да только доброта добротѣ рознь. Есть „доброта хуже воровства", по поговоркѣ. Таковая-то и была у нашего хана. Онъ самъ, пока слушалъ свою сердобольную жену Баялынь, искренно сожалѣлъ князя Михаила, вѣрилъ въ его невинность; а отвернулся, заговорилъ съ другими,—а другіе эти были все больше недруги Михаиловы, единомышленники Кавгадыя и Юрія,—и въ головѣ Уз-

Мученическая кончина Михаила Тверскаго въ Ордѣ

бека совсѣмъ ужъ иныя мысли появлялись объ этомъ дѣлѣ. Такъ онъ и колебался между милосердіемъ и жестокостью, пока наконецъ зло не взяло верхъ,—пока не поддался ханъ окончательно лихимъ внушеніямъ Кавгадыя и Юрія—казнить великаго князя.

Когда, такимъ родомъ, участь Михаила была порѣшена, враги его, прежде чѣмъ покончить съ нимъ, захотѣли еще, ради звѣрской, варварской потѣхи своей, наиздѣваться и надругаться надъ несчастнымъ мученикомъ.

Въ то время, какъ великій князь, больной и изнуренный, сидѣлъ въ своей ставкѣ, читая духовную книгу, которую держалъ передъ нимъ и перевертывалъ въ ней листы одинъ изъ его отроковъ—къ нему ворвались татары, присланные Кавгадыемъ, и повлекли его на торговую площадь, гдѣ толкалось множество всякаго празднаго народу, а по краямъ ея стояли ставки и шалаши, занятые купечествомъ.

Посреди площади на кошмѣ сидѣлъ Кавгадый, окруженный слугами и пріятелями, въ толпѣ которыхъ притаившись стоялъ и злорадостный Юрій. Въ Ордѣ не каждый день водили по улицамъ царственныхъ особъ на веревкѣ, а потому смотрѣть позоръ великаго князя сбѣжалась огромная толпа.

Зрѣлище это нужно было Кавгадыю, чтобъ показать народу, въ какой-де онъ силѣ и чести у хана; нужно было и завистливому Юрію, чтобы сбить спѣсь и унизить князей тверскихъ.

Когда Михаила подвели къ Кавгадыю, то онъ велѣлъ стать ему на колѣна. Сопротивляться великій князь не могъ, да и не хотѣлъ, смирясь душой предъ испытаніями, насланными на него Божьимъ попущеніемъ. Тяжело опустился онъ на земь и обвелъ тихими, страдальческими глазами толпу... Немногіе могли вынести этотъ спокойный взглядъ... Государь, какой бы онъ ни былъ, можетъ быть оскорбленъ, можетъ носить колодку,—но царскій санъ никогда не теряется.

Кавгадый и его приближенные начали издѣваться и всячески поносить великаго князя, а дикая толпа, глядя на это, шутила и смѣялась. Для пущей ея по-

тѣхи, Кавгадый приказалъ снять съ Михаила колодку, одѣть въ алую княжескую мантію, на голову возложить великокняжескій вѣнецъ и усадить за почетный столъ, на которомъ было уставлено угощеніе—питье и яства, а спустя немного времени, всю эту одежду съ него сорвали, опять надѣли колодку и опять повергли наземь. Наконецъ, жестокій Кавгадый прикинулся вдругъ, что сожалѣетъ объ участи Михаила, и съ кошачьей ласковостью, сказалъ ему:

— Не унывай, княже! Ханъ поступаетъ такъ и съ родными, въ случаѣ своего гнѣва; но завтра или послѣзавтра объявитъ тебѣ милость и ты будешь въ большой чести...

Великій князь молчалъ, зная коварство и лютость своихъ враговъ; но когда его повели назадъ съ площади—богатырская натура не выдержала: скатилась съ глазъ слеза горючая...

Плакали и всѣ близкіе князю—свидѣтели его позора.

Какъ ни смирился Михаилъ, какъ ни терпѣливъ былъ, но и онъ желалъ теперь хоть какого-нибудь конца своимъ несказаннымъ душевнымъ и тѣлеснымъ мукамъ... Ждать пришлось недолго! Свѣдалъ онъ вскорѣ, что враги порѣшили наконецъ покончить съ нимъ и упиться его кровью невинной, мученической.

Спокойно услышалъ великій князь эту страшную вѣсть, и когда испуганные вѣрные слуги его стали предлагать ему тайное бѣгство изъ Орды, онъ имъ твердо отвѣтилъ:

— Никогда не зналъ я постыднаго бѣгства! Оно можетъ спасти меня, а не родину, не отечество... Да будетъ надо мной Господня воля!..

Часъ рѣшительный наступалъ. Выслушавъ, по обычаю, заутреню, исповѣдавшись и причастившись, Михаилъ призвалъ къ себѣ сына своего отрока Константина, благословилъ его, поручилъ ему сказать матери и братьямъ, что онъ умираетъ любящимъ ихъ другомъ, что они не оставятъ конечно вѣрныхъ бояръ и слугъ его, которые по гробъ были усердны и преданы своему несчастному государю. Потомъ призвавъ къ себѣ

всѣхъ своихъ близкихъ, сталъ съ ними прощаться и утѣшать ихъ, когда они не могли удержаться отъ слезъ и отчаянія за ужасную судьбу его...

Насталъ полдень; время тянулось ужасно долго, томительно. Убійцы какъ будто нарочно старались подолѣ истомить жертву свою страхомъ ожиданія неминучаго, послѣдняго конца. Такое ожиданіе мучительнѣе самой смерти. Оно надломило и богатырскую душу князя. Взявъ для успокоенія у священника Псалтырь и разогнувъ ее на удачу, онъ прочелъ: „Сердце мое смятеся во мнѣ и боязнь смерти нападе на мя...“

Михаилъ невольно содрогнулся. Духовникъ, замѣтивъ это, сказалъ:

— Государь! въ томъ же псалмѣ, который ты развернулъ, написано: „Возверзи на Господа печаль твою и Той тя препитаетъ и не дастъ въ вѣкъ смятенія праведнику. Кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ? и полещу и почію...“

Слова эти сразу одобрили и успокоили великаго князя; онъ закрылъ книгу, и въ то самое мгновеніе въ ставку вбѣжалъ одинъ изъ его отроковъ, блѣдный какъ полотно и весь трепетный отъ ужаса.

— Господине княже!—воскликнулъ онъ дрожащимъ голосомъ:—идутъ къ твоей ставкѣ Кавгадый и князь Юрій Даниловичъ со множествомъ народа!..

— Знаю зачѣмъ! сказалъ Михаилъ твердо и спокойно. Убить меня идутъ!—и тотчасъ же отпустилъ рыдающаго, испуганнаго сына своего и бояръ—бѣжать къ ханшѣ Баялынь подъ ея милосердную защиту. Онъ не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь изъ его близкихъ пострадалъ заодно съ нимъ и ради него. Ставка мигомъ опустѣла. Великій князь стоялъ посреди ея и, въ ожиданія скорой кончины, молился. Чистая душа его была теперь бодра и спокойна. Сквозь поднятый пологъ ставки видна была большая шумная толпа народу, въ которой татары перемѣшивались, къ стыду русскаго имени, со многими лихими пособниками Юрія—москвичами. Въ рединѣ этой толпы виднѣлись на коняхъ князь Юрій Даниловичъ и Кавгадый.

Теперь они торопились кончить задуманное дѣло.

Сойдя съ коней, они направились къ великокняжеской ставкѣ. Упрежая ихъ, туда же рванулись съ крикомъ и руганью окружавшіе ихъ, обпоенные виномъ, пособники и слуги. Ставка въ одинъ мигъ наполнилась буйной толпой. Михаилъ стоялъ неподвижно: не сразу подняли на него руки злодѣи. Но вотъ одинъ изъ нихъ, посмѣлѣе, дернулъ его за колодку, князь оттолкнулъ его. Какъ волки хищные накинулись они теперь на свою жертву, повалили на-земь, били, топтали ногами, ломали шею о колодку и рвали на куски одежду съ тѣла. Истязаніе это длилось, пока мученикъ-князь не обезсилилъ совсѣмъ. Тогда одинъ изъ близкихъ пособниковъ Юрія Даниловича, по имени Романецъ, обнажилъ грудь Михаила, ударилъ со всей силы въ правую ея сторону широкимъ ножомъ, повернулъ его, и не успѣлъ страдалецъ крикнуть, какъ злодѣй вырвалъ изъ его груди горячее, трепещущее сердце... Широкимъ ручьемъ полилась изъ раскрытой груди святая мученическая кровь.

Кавгадый и Юрій сѣли на коней и приблизились къ ставкѣ.

Тѣло Михаила лежало нагое, обезображенное. Молча глядѣли они на него, и на ихъ недобрыхъ, блѣдныхъ лицахъ непримѣтно было довольства,—что вотъ де все сдѣлалось по-ихнему—супротивникъ лежитъ бездыханенъ... Какъ бы ни былъ лютъ человѣкъ, но пролить кровь невиннаго, беззащитнаго ближняго—и въ немъ совѣсть хоть на минуту, да содрогнется!.. Юрій повернулъ коня прочь отъ ставки; блѣдное, но красивое лице его передернулось судорогами; тогда Кавгадый остановилъ его и съ свирѣпымъ укоромъ сказалъ:

— Вѣдь онъ твоимъ отцомъ былъ, по вашимъ обычаямъ роднымъ дядей приходился!.. Оставишь-ли тѣло его на поруганіе, безъ погребенія?!

Чужой человѣкъ и немягкосердый татаринъ, а оказался человѣколюбивѣе роднаго племянника замученнаго...

Недобрую память оставилъ по себѣ князь Юрій Даниловичъ...

Тѣло Михаила Ярославича, по настоянію Кавгадыя, было убрано слугами Юрія. Его положили на доску, покрыли и повезли въ телегѣ сперва въ городъ Маджары. Тамъ многіе русскіе купцы, лично знававшіе Михаила, хотѣли прикрыть его драгоцѣнными плащаницами и внести въ церковь, но пристава Юрія Даниловича не допустили ихъ къ покойнику и поставили его въ хлѣвѣ. Оберегая его денно и нощно, они и въ другихъ городахъ, чрезъ которые провозили его, не хотѣли останавливаться у церквей православныхъ. Такова была неумолимая злоба князя московскаго къ Михаилу, что онъ и умертвивъ его, въ бездыханномъ тѣлѣ продолжалъ видѣть врага своего и вымещать на немъ свою ненависть!..

Наконецъ покойника привезли въ Москву и похоронили безъ всякихъ почестей въ Кремлѣ, въ монастырѣ Спасскомъ, что нынѣ храмъ Преображенія.

Когда разнеслась по русской землѣ печальная молва о страшной смерти великаго князя Михаила Ярославича—всѣ пожалѣли о немъ искренно, но всѣхъ болѣе тверитяне, которыхъ онъ любилъ и благодѣтельствовалъ какъ отецъ родной. Православная церковь наша пріобщила его, по добродѣтельной жизни и мученической смерти, къ лику святыхъ и доселѣ чтитъ его блаженную память...

„Обожгла землю кровь Михаилова,—чистымъ паромъ обернулась она, праведная, и понеслась высоко въ синь небесную.“

„Спрашивало небо синее, спрашивали облака ходячія: куда ты несешься тонкій паръ? о чемъ молишь ты, кровь горючая?“

„О томъ я прошу, о томъ я молюсь, чтобы стала по прежнему святая Русь; чтобы стала она вольной землей, никому бы она не кланялась, никакой бы ордѣ не покорялась; не было-бъ ссоры промежъ русскихъ князей, не было-бъ ссоры промежъ русскихъ людей—всѣ земли русскія одною-бы стали!“

Молитва эта исполнилась на благо всего русскаго народа!..

КОНЕЦЪ.

Тѣло Михаила Ярославича, по настоянію Кавгадыя, было убрано слугами Юрія. Его положили на доску, покрыли и повезли на телѣгѣ сперва въ городъ Маджары. Тамъ многіе русскіе купцы, лично знавшіе Михаила, хотѣли прикрыть его драгоцѣнными паволоками и внести въ церковь, но приставъ Юрія Даниловича не допустилъ ихъ къ покойнику и поставилъ его въ хлѣвѣ. Оберегая его денно и нощно, они и въ другихъ городахъ, чрезъ которые провозили его, не хотѣли останавливаться у церквей православныхъ. Такова была неумолимая злоба князя московскаго къ Михаилу, что онъ и умертвивъ его, въ безжизненномъ тѣлѣ продолжалъ видѣть врага своего и вымещать на немъ свою ненависть!..

Наконецъ покойника привезли въ Москву и похоронили безъ всякихъ почестей въ Кремлѣ, въ монастырѣ Спасскомъ, что нынѣ храмъ Преображенія.

Когда разнеслась по русской землѣ печальная молва о страшной смерти великаго князя Михаила Ярославича — всѣ пожалѣли о немъ искренно: во всѣхъ обителяхъ тверитяне, которыхъ онъ любилъ и благодѣтельствовалъ, какъ отецъ родной. Православная церковь причислила его, по добродѣтельной жизни и мученической смерти, къ лику святыхъ и доселѣ чтитъ его блаженную память...

Обильно лилась кровь Михайлова, — чистымъ паромъ обкурилась она, праведная, и понеслась высоко къ сини небесной.

«Праведная, бѣлая, святая, спрашивали облака ходячія: куда ты несешься тонкій паръ? о чемъ молишь ты, кровь героя?»

«О томъ я прошу, о томъ я молюсь, чтобы стала по прежнему святая Русь; чтобы стала она вольной волей, чтобъ ничему бы она не клонилась, никакой бы орды не покорялась; не было-бъ ссоры [illegible] князей, не было-бъ ссоры прове[illegible] [illegible] русскіе одною-бы сте[illegible]»

Молитва эта исполнилась въ [illegible] народѣ...

Конецъ.

